

17 апреля 1943 года. Суббота.

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 17 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани части Н-ского соединения вели активные боевые действия и на отдельных участках отбивали контратаки противника. За два дня боёв на этом участке фронта уничтожено до 4000 немецких солдат и офицеров, подбито и сожжено 17 танков, уничтожено 39 орудий, 31 миномет и более 100 пулеметов. Нашими бойцами захвачены трофеи, в числе которых 8 орудий. На другом участке противник предпринял несколько контратак. На наши позиции впереди двигались румыны, а за ними шли немецкие автоматчики. Попав под убийственный огонь советских подразделений, румыны повернули назад. Тогда немцы открыли стрельбу по своим «союзникам» румынам. Наши бойцы контрударом опрокинули противника и улучшили свои позиции. Только на этом участке противник оставил 3 подбитых танка и до 300 трупов своих солдат и офицеров.

— Дьяк, ну что, хавнем по-шустрому? Наперёд, на недельку?

Мелкий Живчик, для авторитетности никогда не расстававшийся с автоматом и пистолетом, подсел-плюхнулся вплотную, чуть толкнув под руку. Дьяк недовольно отодвинулся, но головы не поднял.

— Чего так?

— А пророчествую. Через день-другой дальняя дорога выпадает. — Живчик сдвинул пилотку на самый затылок, подвзбил жиденький сизый чубчик — гордость разведчиков. — Командир из дивизионного штаба с особистом вернулся. Да не с каким-то фуфельником, а с капитаном госбезопасности. Шас тот в наших историях полный шмон проведёт, согласно инструкции поисповедует: а насколько сильно ты Советскую власть любишь? Какие грехи тебе в коммунистическое царство войти мешают? Да, в натуре, достоин ли ты, отсталый элемент, ваще за Родину геройскую смерть от врага принять? Помытарит почище инквизитора.

Живчик достал. Дьяк отложил отвёртку, схлопнул цейсовскую лупу в бронзовый чехол. Повернулся, еще чуток отодвинувшись:

— Ты-то, мил человек, про инквизиторов что знаешь? По своей линии жизни ты только про народный да военно-полевой суды, ну, про трибунал что-то ведать можешь.

— У нас на почтовом ящике один профессор тянул, вечерами в бараке блатным книжки пересказывал. Про горбуна с колокольни и краснучку-цыганку я запомнил. Чувственная такая история. Ладно, не отвлекай: особист ноне копать глубоко станет. В один-один-тридцать-пятом полку шухер вышел, там какого-то валета раскололи, что батразведка сама завалила своего младшего летёху. Ну, понтаря желторотого, что отряд на смерть погнал. Там сейчас всех в ломбард сдали, всем расход светит, невзирая на заслуги. Ну и остальные разведки шмонают. Так что шухарись — как там древние греки баз-лали?

— Древние римляне. Предупреждённый вооружён.

— Вот-вот. Дёргай затвор и гребь к плите, засветим схроны с хавчиком да гуднём перед сквознячком.

Дьяк проводил взглядом уходившего Живчика. Точнее — беззвучно растворяющегося меж растопыренных, жиденько забелевших

лопающимися цветочными почками абрикосовых ветвей. Худенький, но широкоплечий недорослик с обязательным «ППШ» за плечом, во всегда чистом, щегольском камуфляже «лиственный лес — весна-осень» с отяжелёнными карманами. Бывшие блатные всегда излишне, даже для разведки, самоутверждались оружием после тюрем и лагерей с нагими шмонами и безответностью перед хамством вертухаев и брежневых. Автомат, пара пистолетов, пяток гранат и обязательный символ воровской самости — видный нож. Уставной для разведчиков «норвежского типа» обязательно доводился до воровского шика полосато-наборной плексигласовой рукоятью. Ну и какой же вор без утопленной за голенище заточки?

Однако же озадачил мазурик. Проходить даже простую очередную проверку особого отдела — головная боль вкупе с зубной. Заноза в том, что этих капитанов госбезопасности постоянно меняют. Два-три месяца — и новый. Понять-то идею такой ротации можно, да вот принять сложно. Каждый новоявленный предавался исполнению служебных обязанностей до фанатизма, добиваясь отличной отчётности с обязательным выявлением шпионов и склон-

ных к дезертирству. И уже прошерстившие твою подноготную предшественники, не нашедшие ничего преступного или даже предосудительного в твоих поступках, для них ничего не значили.

Не привинчивая, просто вернул на место верхнюю панель немецкого передатчика, закрыв крышку, поставил алюминиевый ящик на два таких же — с приёмником и блоком питания. Отличный такой аппарат «SE 108/10», мощный, лёгкий, ест мало. Немцы многое продумали, даже маркировка на английском: если агента перехватят, ещё не доказано, чей он. Может, союзник. Спасибо пехоте за подарок, жаль, приёмник осколок насквозь продырявил, схема и две лампы закапутились.

Две кривые, из полубрёвен, мощные скамьи, на которых Дьяк расположил на изучение и разбор снятый с подорвавшегося на mine мотоцикла трофей, не сданный дружелюбной пехотой «куда следует», а выменянный разведчиками на пол-ящика фашистской тушёнки и два блока сигарет, стояли в абрикосово-сливово-вишневом саду за заглублённой возрастом в землю крестьянской хатой, плотно забитой тыловой службой всякой всячиной,

нужной и для ведения боевых действий, и для отдыха. Дьяк успел заглянуть одним глазком, когда получал батареи: чего там ни сложилось в ящиках и коробках до потолка — от конской упряжи, мыла, хлора, канистр, фляг, скобяного и шанцевого инвентаря до энзэшной зимней амуниции. Даже блестели трубами два старинных граммофона.

Кухня и блок питания располагались ниже метрах в двухстах, над самым овражком под местными кривыми, длинноигольчатыми соснами. Когда-то это была хуторская лесопилка, от которой остались лишь саманные, как и у хаты, некогда белёные стены. Потолок они накрыли брезентом, замаскировали ветками, оконные проёмы затемнили. Полы земляные, но по-весеннему ещё без блох. Зато сохранилась настоящая варочная печь, теперь радостно окружённая баками, ведрами, столами и лавками. Места оказалось достаточно даже для маленькой, но настоящей баньки. Ниже пищеблока, почти на самом дне заросшего орешником и акациями оврага вольно разметались прикопанные палатки — каре из восьми четырёхместок для бойцов и по центру

командирская, в которой нынче и будут в головах шарить.

В разведывательной роте триста тридцать девятой стрелковой дивизии их второй взвод числился штабным резервом, они, можно сказать, были элитой — за каждым такая боевая биография, что хоть ежедневно заметки в «Огонёк» и «Красную звезду» посылай. С фотографиями. Потому располагались они под рукой командования, и обед им подвозили чуть ли не одновременно с комдивом полковником Кулаковым. Лучше квартировал и харчевался только полуэскадрон конной разведки, который вообще был личным эскортом комдива и начштаба.

Так что ротный повар лишь доваривал-дожаривал выданное сверх нормы зампотылом из общаковых трофейных припасов — на сегодня это были гороховые лепёшки с маргарином. Да поддерживалось постоянное кипение в баке — верная примета того, что ушедших на задание здесь дождутся. Всех дождутся.

За столом их отделения уже полный сбор. И за двумя другими тоже плотно — секретная весть о скором задании разлетелась мгновенно. Ели молча, черпали споро, старательно выца-

рапывая остатки ложками, коротко перебрасываясь редкими малозначащими фразами. Даже обожавший всеобщее внимание Живчик только зыркал по сторонам из-под чуба, по-лагерному накрывая котелок всем телом.

— Всё, бойцы. На перекур! — Старшина Воловик, в свои сорок два, естественно, воспринимаемый всеми отцом-верховодом, рывком затянул кожаный офицерский ремень, поправил кобуру и ножны. Тыльной стороной ладони он привычно разогнал по верхней губе, всем на зависть, как у моржа, вислые усы и с нескрываемой нежностью прогладил введенные два месяца назад погоны. — Айда наверх, за хату.

Дьяк, в три затяжных глотка опустошив кружку и поблагодарив дежурного, поспешил за своими. Хотя чего спешить-то? Без него всё решат, ему только кивнуть с умным видом. Обходя разорванный прямым бомбовым попаданием немецкий полугусеничный пушечный тягач «Ганомат», задержал дыхание — трупы фрицев захоронили, но запах сгоревшего человеческого жира неистребим.

Апрель на Кубани ломал все его предыдущие представления о весне. Дома-то, в Томской области, сейчас только-только сугробы осели,

вдоль дорог с солнечной северной обочины грязно вычернели ледяные соты-коросты. Да выросли полутораметровые сосульки — с крыш до земли. Ещё, поди, свиристели и снегири в тайгу не улетели. А здесь уже цветы распускаются. И это же подумать только — на абрикосах! На абрикосах, господи помилуй. Молодая, явно озимая, какая-то вся кружевная травка плотно покрывала давно просохшую землю. Даже вспомнить страшно, какая в России в апреле гиблая распутица. Жуть. К тому же у Дьяка была особая причина не любить грязь: из-за проклятой жижи прошлым октябрём он поймал снайперскую пулю. Тянули связь, два-три шага, и сапоги от тебя отставали. Вот он и задержался на долю секунды, не торопясь падать животом, влипать руками по локти в эту тестообразную ледяную глину. Доля секунды — и вот теперь чешется рубец вдоль левых рёбер.

Нежные веточки, увешанные расщелившимися почками, холодно-скользко гладили лоб и щёки, ноздри сладко щекотал дух сочащейся под солнечным давлением смолки, кружащий под ногами голодный, обиженно толкающий всё на своём пути шмель давил сочувствие. Выселок, в котором они расположились,

укрывался от пылящего, гудящего и гремящего шляха двумя километрами всхолмленных зарослей орешника. И если бы не рваная, сбивающая ритм канонада, уже четверо суток не смолкающая вокруг невидимой за горой Абинской, да не пролетевшие с утра туда-сюда восемь раз советские штурмовики и немецкие бомбардировщики, то как бы сейчас получилось — хоть на несколько минуточек! — отдаться бездумному весеннему восторгу. Зацветающие абрикосы, толкающийся шмель, молодая сильная травка...

Так как Кырдык и Пичуга были в нарядах, то курильщики разделились три на три: Старшой, Сёма и Ярёма против Копоти с Живчиком и примкнувшим к блатным Лютым.

Для тех, кто не знает списочного состава: Старшой — командир отделения, младший сержант Воловик Тарас Степанович тысяча девятьсот первого года рождения, успевший ещё на Гражданскую, а между войнами бригадир столяров-краснодеревщиков в Нижнем-Горьком. Кырдык — Ильяс Азаткулов, местный пастух-ногаец, теперь минёр, кажется, двадцати пяти ещё нет, хотя кто точно определит возраст

степняка? Сёма — их чудо-снайпер с Дальнего Востока, по документам Калужный Семён Семёнович тысяча девятьсот восемнадцатого года рождения. Ярёма — богатырь, ялтинский портовый грузчик Ерёмин Мирон Никифорович с двенадцатого года. Пичуга — и правда, как малая птичка, худосочный московский студент-филолог Клим Пичугин, хорошо, если уже есть двадцать, но знание немецкого языка — и в разведку. Противную сторону представляли два вора — рецидивист-скокарь Копоть — Шигирёв Прохор Никитович тысяча девятьсот девятого года рождения в лихославном городе Орле, беспризорник, за три ходки накопивший тридцать четыре года по статье сто шестьдесят второй, и Живчик — ярославский вор-сопчик Гаркуша Яков Иванович семнадцатого года, почти отмотавший десятку, да получивший довесок за попытку побега. Почему к ворам присоединился грозно звучащий Лютый? Ну, на самом-то деле — Лютиков Антиох Аникиевич, пермяк, сын священника, с семьёй сосланного на поселение в Казахстан, оказавшийся в армии после письма к товарищу Калинин с прошением разрешить ему с оружием в руках защищать родную Советскую власть. Но Лютый

точнее прилегало к широкоскулому и широкобровому блондину гимнастического сложения, боксёру, борцу и мастеру метания ножей, лопатки и топора.

Тогда уж и о Дьяке! Шутки шутками, но действительно дьякон Русской Православной Церкви, рукоположенный архиепископом Варлаамом Ряшенцевым, отец Димитрий — Димитрий Васильевич Благословский тридцати лет, родом из Томска. Здесь, в разведке, радист, до того — рядовой третьего взвода пятьдесят шестого отдельного батальона связи двадцать четвёртой стрелковой дивизии. В армии с января сорок второго — тогда вышедшую из окружения, страшно поредевшую четырёхста двенадцатую срочно переформировывали в двадцать четвёртую, и его, работавшего на вологодском оборонном заводе, зачислили в батальон связи, не глядя на «бронь» и сан. В марте дивизию перекинули под Тамбов в резерв Ставки, а четырнадцатого декабря выгрузили в Калаче и форсированным маршем вывели на реку Мышкову на позиции обороны Сталинграда. Так что первая беседа рядового-дьякона Благословского с особистом состоялась только в госпитале. Если бы поставленного на особый учёт тогда не забрал

к себе в дивизионную разведроту лежавший рядом лейтенант Смирнов Александр Кузьмич, которому второй орден Красного Знамени генерал Шумилов вручал прямо в палате, то кто знает, чем бы всё закончилось.

В разведке всегда только добровольцы. Первые наборы были идейно-комсомольскими, но на второй год войны потери среди героически страстных, но недообученных, да и зачастую психически и физически непригодных заставили командование внести коррективы. С января сорок второго в армию из лагерей стали набирать осуждённых по уголовным статьям на срок не более двух лет, а потом пошли и все желающие, кроме политических. В пугающие уже одним только названием штрафбаты направляли не более десяти процентов из самых конченных головорезов, основная же масса «прощённых Родиной» комплектовала пехоту. На желание перевестись в разведку писали рапорты, ведь если жизнь и смерть пехотинца были в замыслах командования, то у разведчика они больше зависели от собственного ума и сноровки. Так что тут встречались бойцы с опытом от самого июня сорок первого.

В их роте, кроме самого старшего лейтенанта Смирнова, из таких первых комсомольцев на весну сорок третьего служили трое, и авторитет их был бесспорен. Даже для воров.

Понятно, «на перекур» сказано фигурально, курящие в лесу некурящими отслеживаются метров за пятьдесят-семьдесят. Просто здесь, за хатой, можно было «перетереть» без лишних глаз и ушей. Спор повёлся тактико-стратегический, по принципам прохождения «бесед». Старшой предлагал ничего не менять и являться чётко по приказанию, то есть в азбучном порядке от «а» до «я». Копоть же хотел немного помутить — мол, кто-то в наряде, кто-то у врача и прочее, прочее, чтобы ему с его «ш» оказаться посреди «а» и «б». По логике Копоти, капитан на первых порах особо рыть не станет, надеясь всё равно до конца дня кого-то в виноватые назначить. Поэтому пусть первыми чистилище пройдут рябые. А в конце предъявить ему самых бело-невинных, типа Пичуги и Кырдыка. Логика убедительная, однако если капитан подвох учует, а он, по породе своей борзой, обязательно учует, то тогда горюшко на всех ляжет.

Копоть кашлянул, и Живчик махом поднял на колени тяжко звякнувший вещмешок. И это было ошибкой. Принципиальной. О том, как неделю назад, когда рота только располагалась в пункте дислокации, обживалась, копала дозорные и огневые точки, минировалась, а блатные куда-то по ночам отлучались, знали все. Что-то из раздобытого в блиндажах и скронах выбитых фашистов воры внесли в общий котёл, но, понятно, что-то и замагатили. Ну, это их натура, а с другой-то стороны, деловые всерьёз рисковали подорваться или попасться патрулю, так что осуждать их было сложно.

Только вот сейчас мазурики лопухнулись. Грубовато вышло. Так с товарищами по оружию поступать не стоило. От «фронтowej» — коричневого французского коньяка с розовой консервированной колбасой и хрупкими галетами — никто не отказался, но переходить на сторону мутильщиков теперь даже и не думали. Вроде как купленные получают. Не задорого. Так что и поддакивающий до того Копоти Лютый замялся.

— А ты, Дьяк, как мыслишь? — Копоть щедро плеснул в кружку коньяк, а Живчик выложил на левую ладонь толстый кружок колбасы на галете. — Тебя, понятно, на «б» из первых позо-

вут, но дело не в личном фарте, а в понятиях для братвы. Если мы с Живчиком на войне по правилам, то ты да Лютый, вообще, висельники политические. Вам контрреволюцию за папу-маму враз навесят. И кто тогда за вас встрянет, если не мы? Не все мы?

Копоть почти улыбался криво подрагивающим ртом, только ледяной чёрный взгляд по-лагерному никогда не опускаемых глаз выдавал всё его быкование. Как же он сейчас проклинал себя за то, что затеял публичное бодание со Старшим, вполне понимая, что, скорее всего, проиграет, и теперь всё его блатное самолюбование пылало от унижения.

— Да, Дьяк, что ты думаешь?

Ярёма осторожно, с оглядкой, как это делают сильные люди, привстал со скамьи, пересел на край, освобождая место подошедшему. Радист и повар — кадры особо оберегаемые, но Дьяк умел уже различать отношение к себе как к личности и как к носителю сундучка с зайцем-уткой-яйцом-иглой товарищеских жизней, ранений, смертей, засад, а главное, смыслов общей разведывательной работы.

— Думаю, что не стоит всем суетиться. Пусть у всех идёт, как прописано. А вот мы с тобой

давай-ка лично нарядами подменимся. Попросим старшину, пусть в графике дежурств нас перемежит, и я, — Дьяк сдвинул манжет гимнастёрки, всмотрелся в мутно-затёртое стёклышко «первого часового», — через тридцать семь минут заступлю на пост. Ты где должен быть? На шестом? А через четыре часа ты меня сменишь, и всё будет шито-крыто. Никто не подкопается.

— Ты сам сказал! — Копоть выдержал красивую паузу, как бы и не сразу соглашаясь. — Замётано.

— Замётано! — Сбоку под руку подскользнул Живчик, поднимая на ладони следующую галету с колбасным кружком. — Уважуха! Быть тебе, Дьяк, козырным фраером.

Старшой и Ярёма переглянулись и разом поднялись.

— Ну ладно. — Распрямившийся Старшой опять поправил ремень, кобуру, разгладил погоны. — Копоть, ты уж сам договорись о подмене. Придумай, что там, типа, живот крутит. Но это будут ваши дела, мы ничего не знаем.

Все недружно заподнимались и разреженной цепочкой неспешно потопали вниз, в расположение роты.

Тормознувший у входа в палатку Лютый заглянул под полог и, убедившись, что внутри никого нет, с разворота толкнул нагнавшего его Дьяка в грудь пальцем. Потом ещё и ещё.

— Ты чего, отче?! — почти неслышно шипел он. — Ты чего? Зачем с блатарями в поддавки играешь? Думаешь, оценят? Это Копоть-то оценит? Ну, объясни, объясни: какого горбатого ты за воров встречаешь? Что за высший смысл подставляться?

Вот зачем Дьяк так снисходительно скалился? Лютый в ответ выдержал бы что угодно, хоть зуботычину, но только не эту самодовольную дьяковскую улыбочку.

Лютый уже не знал, куда ещё закосить глазами, и сжимался, сутулился, срываясь с шипа на сип:

— Да! Согласен. Согласен: виноват. Ну? Да. Виноват я! Был такой момент, заёрзал, заелозил. Ну? Прости.

— Бог простит. И понятно, никто блатным не верит. Что они оценят? Просто увидел его страх, ну и среагировал. Можно сказать — срефлексировал, не успев подумать. Такой головорез и струхнул. Так что это ты меня прости. Согласен, зря на риск иду.

- Фамилия?
- Благословский.
- Имя и отчество?
- Дмитрий Васильевич.
- Год рождения?
- Тысяча девятьсот тринадцатый.
- Место рождения?
- Томск.
- Место проживания на момент мобилизации?
- Вологда.
- Национальность и гражданство?
- Русский, гражданин СССР.

Капитан — молодой, но уже полнеющий и лысеющий, устало задавал протокольные вопросы, не поднимая головы от бумаг. И правда, сколько же раз он сегодня проговаривал и выслушивал то, что можно было просто прочесть. С обеда начал, так что уже человек тридцать точно прошерстил.

— Когда и каким военкоматом вы были мобилизованы в Красную армию?

— В Красную армию мобилизован двадцать пятого января тысяча девятьсот сорок вто-

рого года Ленинским райвоенкоматом города Вологды.

— В какую часть вы были зачислены и в качестве кого служили?

— Зачислен рядовым красноармейцем в третий взвод пятьдесят шестого отдельного батальона связи двадцать четвёртой стрелковой дивизии. Позже, когда дивизию перевели под Тамбов, был отправлен на курсы связистов.

— А как это получилось? — Капитан нехотя поглядел на стоящего навтыжку рядового. — Как вообще вы оказались мобилизованы? Вы же были под «бронью». В анкете сказано: «Происхождение: из служащих, лишён прав не был», но тут же далее: «Возведён в сан диакона Русской Православной Церкви». Вам же не в Рабоче-крестьянской Красной армии, вам, в лучшем случае, в народном хозяйстве, да и то под надзором.

— Я очень хотел... Родину защищать.

— И что? Пошли на подлог? — Капитан опять уткнулся в личное дело. В свете керосинки блестели золотистый, в синей окантовке с белыми звёздочками погон и круглая лысинка на темени. — В разведку зачем напросились? Захотели сменить место службы в надежде

утери личного дела при переводе в нашу триста тридцать девятую дивизию?

— Я правда очень хотел Родину защищать.

— «Правда»? А что есть «правда»? Для вас? — Ну вот, начинается. Капитан откинулся на табурете, скрестил руки на груди, перекрыв яркий, новенький орден Отечественной войны второй степени. Наверное, за Грозный или Гудермес, там в январе-феврале энкавэдэшники с эдельвейсовцами, а ещё пуще с местными предателями крепко бились. Пухлое, мучнисто-белое лицо в каре начёсанной поперёк лба прядки и низких висков продолжало выражать усталое равнодушие, но в глубине синих, как у младенца, глаз чуть-чуть обозначились точки кошачьего, охотничьего интереса.

Вкопанная под крышу палатка, в которой располагались образцово застеленные, прикрывающие одеяльными навесами вещмешки и чемоданы, командирская и замполитская раскладушки, большой стол-козлы, зелёный сейф и фанерный ободранный шкаф с посудой и пайковыми запасами, в свете керосиновой, с чистым новым стеклом лампы казалась такой расслабляюще уютной, мирно обжитой,

что Дьяк едва сгонял в кучу разбегающиеся мысли.

Не дождавшись ответа на непротокольный вопрос, капитан вернулся в прежнее, надбумажное положение:

— Какие у вас взаимоотношения с Шигирёвым Прохором Никитовичем?

— Взаимоотношения у нас с рядовым Шигирёвым нормальные. Личных, если вас это интересует, нет. Только служебные.

— Это вы что, так шутите? В одном отделении с вором-рецидивистом, и — «только служебные»? Интересно. Поделитесь опытом, как вам, служа с матёрым уголовником, удаётся не видеть фактов мародёрства?

— Так ведь с него должны судимость снять: рядовой Шигирёв очень смелый разведчик, в группе захвата добыл одиннадцать «языков». И лично уничтожил порядка двадцати фашистов. Я с ним около тридцати раз ходил в тыл врага. В поиске он образцово дисциплинирован и находчив.

— Прямо наградной рапорт. А вас не настораживает, что социально опасный элемент вдруг напросился на фронт, да ещё на самый риск?

— Позвольте повторить: мы только товарищи по службе, а не друзья.

Капитан неспешно просмотрел несколько разнородно испечатанных листов.

— Про Пичугина Клим Серапионовича даже спрашивать не стану. Но вот с рядовым Лютиковым Антиохом Аникиевичем вы уж точно дружите. Вам же по происхождению положено — оба из священнослужащих.

— С рядовым Лютиковым мы правда состоим в достаточно доверительных отношениях. Но, опять же, не из-за происхождения, а потому, что также многократно бывали с ним в поиске за линией фронта.

— И он тоже герой.

— Так точно: рядовой Лютиков — смелый, находчивый и дисциплинированный разведчик. Спортсмен, помогает новичкам в освоении приёмов борьбы.

— Конечно, конечно. И потому между заданиями вы с Лютиковым ни о религии, ни об отношении Советской власти к религии не говорите?

Всё то же выражение утомлённого равнодушия, только глубинные точки охотничьего интереса расширились вместе со зрачками. Дьяк ответно чуть-чуть притоптался.

— Мы с Лютиковым, если не в наряде или на задании, обязательно присутствуем на политзанятиях, спросите товарища политрука. Более того, мы испытываем искреннюю благодарность к Советской власти, которая доверила нам оружие и позволила реализовать желание биться с фашистскими оккупантами. Конечно, беседы наши иногда касались личной веры, но только личной, без обобщений. И никого в них мы никогда не вовлекали. Кроме того, Лютиков много времени уделяет боевой и физической подготовке разведчика, так как в поиске он обычно идёт в группе прикрытия, что предполагает прямые и активные боестолкновения с преследующим противником и диверсионные акты.

— Не надо меня просвещать. Я знаю специализации в разведгруппе.

— Прошу прощения, виноват.

— Ну, насчёт прощения ещё успеется. А сейчас отвечайте: вы категорически утверждаете, что никакой критики Советской власти за её принципиально твёрдую материалистическую политику в отношении церкви, а также распространение иных антисоветских, в том числе монархических, взглядов среди кого-либо из

красноармейцев своего подразделения, ни вы, ни рядовой Лютиков не вели?

— Так точно. Утверждаю. Мы, как вменяемые русские люди, не можем не испытывать самых добрых чувств к рабоче-крестьянской власти, особенно после того, как прочитали в газете «Известия», что правительство, возглавляемое товарищем Сталиным, решило принять материальную помощь от верующих на производство боевой техники. А какую радость мы пережили прошлой весной, когда в Москве было разрешено пасхальное богослужение!

— Ну, это временно. Рано вы обрадовались. И чему, собственно? Ведь если подумать, то получается: обрадовались нападению врага на нашу Советскую Родину. Мол, теперь Родине не до вас, не до уголовников, кулаков и церковников. Рано. Как бы вам ещё не наплакаться.

Дьяк вытянулся по стойке «смирно». Капитан тоже развернул грудь, задержал дыхание. Уже не только глаза, само округлое лицо его обрело что-то кошачье. Но выдохнул, закрыл тоненькую папку, нацарапал запавшую внутрь верёвочку, завязал бантиком.

— Рядовой, вы свободны. Временно.

— Разрешите идти?

— Идите... Отставить!

Что ещё?! Дьяк, мотнувшись, сделал разворот на месте.

— Как мне объясняли: Успенский, Троицкий, Преображенский — праздничные фамилии давались выпускникам духовных заведений за отличную учёбу и примерное поведение. Боголюбов, Добронравов, Благословский — это фамилии для безупречных в поведении, но слабо успевающих. А Цветковыми, Розановыми, Лютиковыми нарекали и отвратительно учившихся, и недостойно ведущих себя.

Дьяк держал спину.

— Сегодня Лазарева суббота. Завтра Вербное воскресенье. «Осанна в вышних». А вы знаете, что на блатном жаргоне «карусель» означает и церковь, и групповые развратные действия, оно как бы равнозначно? А божница на фене — «унитаз»?

— Так точно. Ещё для них церковь — «клюква», отсюда «клюкнуть» — повести на развод, на обман.

— И что, Благословский? Трижды осуждённый вор Шигирёв при этом всё же смелый, находчивый и дисциплинированный воин?

— Рядовой триста тридцать девятой разведроты Шигирёв привёл из расположения врага одиннадцать «языков». И лично уничтожил более двадцати фашистов.

Уже несколько минут нараставший гул подлетающих из-за горы самолётов как-то разом развернулся в прерывисто вибрирующий рёв нависших над самой землёй десятков двигателей. Даже пламя в керосинке задрожало, закачались стены палатки.

— Ну, вы постройте из себя идиота. Пофиглярствуйте до поры. — Капитан захлопнул сейф, вдавил ключ в глубь кармана тёмно-синего галифе. — Рядовой, на выход!

— Товарищ капитан, у нас укрытие оборудовано, из ледника. С каменным перекрытием. Пойдёмте!

— Благословский, бегом в укрытие! — Капитан вновь сел за стол и совершенно по-кошачьи фыркнул: — Оборзел от вежливости, идиот.

Восемьдесят восьмые «юнкеры» на низкой высоте, перевалив западное начало Большого хребта, обошли наспигованную зенитками Абинскую и начали набирать высоту, отходя в сторону Ильской — Краснодара. Не менее

полусотни бомбардировщиков, форсируя под-
вывающие двигатели, угасающими чёрными
чёрточками поднимались в синее весеннее
небо. Их прикрывали две тройки едва разли-
чимых в вышине «мессеров». В убежище —
рукотворную пещеру под толстенной насыпью
валунов, спустились не более десяти человек,
остальные, собравшись, но не кучкуясь, гром-
ким матом комментировали пролёт фашистов.

Дьяк затылком чувствовал взгляд Копоти,
но упорно стоял у самого спуска в убежище,
готовый увернуться от пустого разговора. Нет,
товарищ майор, никого тут не настораживало,
что вор в законе напросился на войну. Все
знали, что Копоть на зоне отморозил — с психу
поднял «на перо» другого вора и по разборкам
мог быть блатными казнён. Должен был быть
казнён.

— Эх, на горке бы пару взводов с противо-
танковыми рассредоточить, — аж с подсвистом
тенорил Живчик, — они бы фрицев славно
пощёлкали. Как семечки.

— Ты сходи сначала эту горку от эсэсовцев
зачисти, стратег хренов. — Старшой стоял так,
чтобы держать в виду и Дьяка, и Копотя: если
блатной вначале что просит, до заискивания

вертится, то потом, получив желаемое, не удержится, непременно хаманёт, восстанавливая своё самомнение.

На вечернем построении ротный, приняв доклад о наличии свободных от дежурств, сразу взял быка за рога:

— Товарищи командиры и красноармейцы, завтра у нас полдня на подготовку, а после обеда по группам выступаем на указанные участки передовой. Там к нам подключатся батальонные. Вечер наблюдаем. Ночью переходим линию фронта. Батальонные шумят и тут же возвращаются, имитируя неудачу. Мы углубляемся и расходимся на задания согласно конкретным приказам. У каждой группы своё чрезвычайно ответственное задание. Поэтому я лично пойду с вами. Товарищ младший лейтенант остаётся за меня. Если есть больные или кому что мешает идти, доложить немедленно. Есть? Нет. Спасибо, товарищи, в этот раз востребован весь состав. Итак, вечер, ночь и завтрашние полдня — на подготовку к длительному рейду. Учить никого не буду: боеприпасы, боеприпасы и боеприпасы. Хотя фронт держат румыны, в тылу полно эсэсовцев. Так

что с танкистами время не теряйте, они не сдадутся. Нужно постараться найти вермахт, ту же девятую зенитную дивизию — связистов, зенитчиков, идеально — взять снабженцев. И ещё внимание: на перевалах опорные точки горных стрелков из недобитого сорок девятого корпуса, с теми контактов избегайте вообще. Лишние потери — они всегда лишние. Итак, товарищи, если есть вопросы или личные просьбы, подходите ко мне или замполиту через час.

По кивку ротного командовавший построением младший лейтенант Морозов рыкнул:

— Взвод, разойтись! Командиры отделений, к командиру роты! — И тихо, но дальноточно добавил: — Письма утром сдавать мне.

Письма перед рейдом в тыл писали всегда. Ну, если было кому писать.

Старшой раздавал двухсантиметровые химические обрезки-карандаши, которыми его по ветеранской дружбе беспрекословно снабжал замполиту. Как и тетрадными листками. Не подходили за письменным набором только Ярёма, у которого все родные и близкие находились в оккупации, Кырдык — по причине

неграмотности жены и Копоть — круглый сирота, по воровским понятиям не заводивший «постоянную» маруху, дабы не прослыть среди урок семейным. А вот Живчик настрачивал даже три-четыре треугольника: матушке и кралям. Также дополнительную бумагу просил Пичуга, у которого никогда не получалось уложиться в полторы странички треугольника. Таёжный бродяга Сёма, как бы разорвавший всякие связи с ушедшими с атаманом Семёновым в Монголию «семейскими» казаками-родственниками, писал своей школьной учительнице. Лютый разом отчитывался деду, отцу, матери, семерым братьям и трём сёстрам. Дьяк — жене и дочери.

В эти минуты мучительно-сладкого литературного творчества все, по возможности, разбредались, рассеивались по восточному склону оврага, пользуясь последними минутами по-южному быстро жухнувшего предзакатного света.

«Здравствуйте, мои родненькие сынки Илюшенька и Петрик, доча Анюся и жена Мусинька! Анюся, поздравляю тебя с днём рождения, который будет 29 мая, наша военная почта идёт

медленно, сегодня 17 апреля, но я надеюсь, что к твоему дню письмо успеет. Может, и раньше. Аняся, желаю тебе быть здоровой, расти, слушать мамку с Илюшей и дружить с братиком Петей. И дожидаться своего папки. Он вернётся обязательно к вам, мои дорогие. Не думайте о плохом, уж как оно выйдет. Война — горе безмерное. Илюша, ты как старший помогай маме и сестрёнке, пока война в доме, ты — мужик за меня. Петрик, учись старательно. Я пока чувствую себя хорошо, но как вы — я давно не знаю, так уж от вас письма давно получал. Прошу вас не обижаться на меня за мои нечастые весточки. Я вам стал реже писать ввиду того, что мы уже третий месяц наступаем, почта отстаёт. Гоним фрица с нашей земли взашей. Муся, ты получила деньги за орден и подбитый танк, которые я тебе высылал в январе? Если не получила — напиши. Я доложу замполиту батальона. Вот пока всё. Привет всем нашим — родне, соседям. Я всех прошу, чтобы не обижались на меня ни за что прошедшее. Крепко, несчётно раз вас целую, сынов моих и дочку с мамочкой. До свидания. Ваш папа и муж Тарас.

*С красноармейским приветом старшина
Воловик Тарас Степанович».*

«Дорогая моя учительница Нина Сергеевна! Разрешите мне вам передать свой пламенный, фронтовой и незабываемый привет и массу наилучших пожеланий в вашей жизни. Дорогая Нина Сергеевна, когда я получил ваше письмо, оно сильно на меня подействовало. Я сочувствую всем вашим трудностям, вашему горю, и мне тоже тяжело. Ведь я тоже на фронте, где жизнь считается по секундам. Я также сильно переживаю о смерти вашего сына, моего друга Вити. Я тоже не сплю ночами, ибо нельзя, это война и прочее. Клянусь вам отомстить за Витю и застрелить 10 фашистов на его счёт. Нина Сергеевна, нас постигло общее горе, оно не только у вас, ведь и весь наш советский народ терпит. Но мы не должны ныть, а, наоборот, переносить все эти трудности, стиснув зубы. Уже недолго, и покончим с гитлеровскими бандитами, разобьём и сметём с лица земли всю фашистскую нечисть. Не печальтесь, не падайте сильно духом. На этом разрешите письмо кончить. Пишите мне письма.

*Ваш преданный ученик
и навсегда друг Вити Семён Калужный».*

«Здравствуйте, дедушка Андрей, батюшка с матушкой, братишки Ваня, Лёня, Лёва, Киря, Гриня, Рома, Федюша и сестрёнки Таисия с Шурочкой и Липочкой. Шлю вам боевой привет и желаю всего самого благого. Батюшка, верь: здесь, на фронте, я только твёрже становлюсь в вере в светлую и обязательную победу правды. Матушка, прошу не волноваться: Бог только знает, как дальше будет, но посуди — в боях участвую с самого начала своего воинского служения и за год даже легко не ранен. Это ведь никакая не случайность, это ваша родительская любовь. К тому же после Сталинграда враг слаб в коленях стал. И каждый день мы продвигаемся всё вперёд и вперёд на запад, скоро будет конец зверю. Хотя, когда он на нас пёр, то почти не встречал укреплений, а теперь, когда мы идём на него — всё стальное и бетонное на 25 км вглубь, и всё равно он трусливо бежит, хоть и огрызается. Скупаю по всем вам, родные, напишите, какие у вас цены на всё, а особенно на хлеб. Ваня, Лёня и Таисия работают, хватает ли их зарплат? Вот выгоним врага, тогда доучатся, а пока пусть.

Ваш сын, внук и брат Антиох.

Он же рядовой Лютиков».

«Здравствуй, милые Катюша и Уленька!

Катюша, получил от тебя сразу два письма — как наступление, так почта чумает. Ты посы- лала эти письма в разные дни, а я их получил вместе. Эх, почта, но зато я вдвойне счастлив. Читаю и перечитываю и за каждой строчкой слышу твой голос, вижу шевеление твоих губ... Катюша, как же мне хотелось бы сейчас вас увидеть, ты не можешь себе представить! При- жать к себе тебя и доченьку. Ткнуться носом в ваши макушки. Подумать только — четыре годика! Совсем большая, наша красавица. Но ничего не поделаешь. Я знаю, что ты обо мне думаешь, я постоянно знаю, и от этого на душе легко, не страшно, хотя бои плотные, злые. Ладно, когда победим, к моему приезду при- готовь как можно больше писчей бумаги. Мне это будет нужно. Сейчас о своей жизни писать много не приходится, а потом нужно будет обя- зательно всё-всё рассказать. О жертвах и под- вигах. О друзьях-товарищах, об увиденном и перетроганном великом зле, горе и всё равно непобедимости добра. Ещё недельку — и будет нам Праздник. Ты сама это знаешь. Только, матушка Катюша, ты ведь у меня послушная и, по смирности, исполнительная? Да? Ты

ведь тоже Благословская? Тогда мужней волей повелеваю: не затрудняй себя на огороде, как можно больше старайся отдыхать. Поцелуй за меня маму. У неё всё по-прежнему?

*Крепко и нежно обнимаю вас,
мои самые дорогие на этом свете,
и целую, целую.
Ваш отец Димитрий».*

«Родные мои мама, папа, уважаемые тётя Люся, Борис Самуилович, Мила Борисовна, Елена Игоревна и Николай Иванович!

Простите, что я вам так давно не отвечал. Хотя ваши письма все получал, за которые большое спасибо. Но мы уже второй месяц в наступлении, меняем дислокацию так, что и по двое суток на одном месте до вот этого нынешнего дня не задерживались. А уж я тем более постоянно задействован командованием. Много требуется переводить. Потому, когда выпадают минутки — сплю. Просто по-детски глубоко и сладко сплю. Привык к разрывам и выстрелам, не реагирую, так, наверное, моряк привыкает к плеску волн под бортом и качке. Интересно, смогу ли потом отвыкнуть? Война в принципе очень шумная, и возникающая

тишина даже тревожит. Угрожает неестественностью.

А ещё я очень хорошо сошёлся с товарищами из нашего подразделения. Настоящие, верные друзья, хотя многие гораздо старше меня. Но никто возрастом и званиями не задаётся. Как много я вам расскажу о них при встрече. Впрочем, я уже писал об этом и, кажется, неоднократно. Простите, и это никак не значит, что я забываю о вас и забываю о нашем доме, о нашей дружной коммунальной квартире. Нет, помню всегда, всех, всё, просто эта домашняя память никак не связывается с тем, чем мы повседневно живём на фронте. Она как бы отдельно, в отдельном уголке сердца и достаётся оттуда, когда приходят ваши письма.

И потому их, ваших писем, мои родные, всегда было, есть и будет очень мало. Как сладко читать их в редкие свободные минутки, смаковать каждое ваше послание, ведь они такие нежные. Именно «нежные» — вот очень точное слово, точное и всё объясняющее! Нежность совершенно неуместна ввиду жестокости военных действий.

После такого нежного вашего письма становишься как-то злей, в ещё большем жела-

нии сделать для нашей родины всё, даже до смерти. Спасибо, милые, за такие поднимающие дух письма. Они одновременно укрепляют боевой дух и в то же время не позволяют огрубеть. Я очень даже не знаю, как передать мою радость, что хотя через письма, но вы вместе со мной.

Елена Игоревна и Николай Иванович, как правильно, что вы со всеми нашими солдатскими и командирскими отцами, матерями, сестрами, братьями, всеми родными и близкими по всей стране, по всем городам и республикам — воюете вместе с нами, там, в тылу, куете грядущую победу — это еще один из трёх залогов нашей. Желаю самого хорошего в вашей научной работе. Единый советский народ — как единый организм, могучий, смелый, свободный, ведомый волей великой Коммунистической партии!

Папа, всё же как-то я обижен сыновней судьбою — за полгода пребывания на фронте я получил от Вас только одно личное письмо. Практически всегда пишет мама, даже Николай Иванович написал два. Почему? Я ведь тоже страдаю. Когда я вспоминаю сестру, слезы невольно заполняют глаза. Разве я вино-

ват, что подговорил её учиться в Ленинграде? Если бы из всей нашей родни в Ленинграде кто-либо остался жив, тогда (зачёркнуто). Папа, ведь я тоже любил её больше всего на свете, гордился её талантом и хотел ей счастья. Хотел, чтобы она развивала свои уникальные способности не в МГХИ, а в Академии художеств. Как я хочу встретиться, взглянуть Вам прямо в глаза, взять за руки. Дорогой мой папа, прошу, умоляю писать мне, писать обо всем.

Письма из дома я ношу на груди, у самого сердца, как символ моей любви к Родине, к нашему русскому народу и Вам, мой милый папа. Конечно, жаль умереть в девятнадцать лет, но в то же время даже хочется умереть, если точно знаешь, что твоя смерть приблизит час победы. Я солдат, я не случайная и несчастная жертва, а волевой, добровольный участник войны. И я верю: вы, мои родные, будете жить замечательно, будете о нас петь замечательные песни и будете жить с гордо поднятой головой. И вы будете рассказывать новым поколениям, что ваш родной сын, ваш брат, дядя, друг погиб честно в борьбе за родину, за её освобождение.

Простите ещё раз за пафосность. Как ваши бытовые дела? Как, мамочка, твоё здоровье? Пишите больше и чаще.

*Любящий вас всех Клим.
Полевая почта всё та же».*

«Наше вам почтение, драгоценная моему солдатскому сердцу Поля. Во первых строках сего письма спешу сообщить, что я жив и здоров. И того же вам желаю, дорогая. Снаряды рвутся над головой, пули тоже свистят около ушей. Бесценная Поля, как вы живёте — хорошо или плохо? Я живу хорошо. Не расстраивайтесь обо мне, не плачьте понапрасну, не зря меня друзья зовут Живчик, я фартовый и приду домой. Пока жив и не могу гадать, но буду бороться с врагом до последней капли крови. Мы, бойцы рабоче-крестьянской армии, будем защищать свою родную родину и будем в ней счастливо жить. Мы все силы бросим на уничтожение гадов фашистов-немцев. Дорогая Поля, за подвиги меня скоро обязательно представят к ордену, и вы даже будете гордиться мною перед подругами. Шлю вам свой героический, пламенный фронтовой привет.

*Писал ваш сердечный друг
Яков Гаркуша».*

«Наше вам почтение, драгоценная моему солдатскому сердцу Рая. Во первых строках сего письма спешу сообщить, что я жив и здоров. И того же вам желаю, дорогая. Снаряды рвутся над головой, пули тоже свистят около ушей. Бесценная Рая, как вы живёте — хорошо или плохо? Я живу хорошо. Не расстраивайтесь обо мне, не плачьте понапрасну, я фартовый, не зря меня друзья зовут Живчик, я буду бороться с врагом до последней капли крови. Мы, бойцы рабоче-крестьянской армии, будем защищать свою родную родину и будем в ней счастливо жить. Мы все силы бросим на уничтожение фашистов и немцев. Дорогая Рая, за подвиги меня скоро представят к ордену. Шлю вам свой героический фронтовой привет.

*Писал ваш сердечный друг
Яков Гаркуша».*

— Товарищ старший лейтенант, письма бойцов собрал, двадцать два, отправляю в штаб «вэшникам» на политконтроль. Семеро не стали писать. А твоё будет, Александр Кузьмич? — Младший лейтенант Морозов, обиженный отказом на двухсуточные просьбы тоже пойти на это задание, смотрел Смирнову не в глаза, а на два ордена Красного Знамени, две Красной

Звезды и две медали «За отвагу». Штабной разведрезерв всем наличным составом по мелочам за фронт не засылают, и, конечно, если всё сойдётся, то будет у Кузьмича ещё одна награда. У самого-то Морозова пока только одна Красная Звезда, а представление на медаль куда-то запропало. Хотя уже три месяца, как комбат в дивизию направлял. «За боевые заслуги». Надо будет, по случаю, с ним поговорить, пусть тряхнёт там писарьков. А ещё в прошлом году новые ордена учреждены, специально для офицеров. Александра Невского, очень красивый.

Смирнов, полуотвернувшись в сторону обострившейся с рассветом канонады под Крымском, расстегнул планшетку, нашарил и протянул твёрдый офицерский конверт.

«Соня!

Страна и партия призвали меня к выполнению священного долга — защите Отечества. Мне была оказана великая честь — встать в ряды РККА в порядке первой партийной мобилизации, я встретил врага обученным командиром. Сейчас опять плотные бои, востребованы мои теоретические знания, подтверждённые уже немалым фронтовым опытом. По мере сил и воз-

можностей постараюсь оправдать высокое доверие партии. Завтра уходим на ответственное задание. Если вернусь, объяснимся подробно. А пока знай: ты себя не вини, со мной действительно трудно. Если уж встретила другого и полюбила, главное, если ты счастлива, я всё переживу.

А вдруг что-то пойдёт не так, моя к тебе последняя просьба: воспитывай сына Вилена коммунистом. Военный комиссариат обеспечит тебе необходимую помощь. В случае необходимости обращайся лично к тт. Орешенкову, Стреянову, Тучиеву.

Будь счастлива. Целуй нашего Вилена. И в любом случае сохрани для него эту мою последнюю фотографию.

Смирнов Александр Кузьмич».

18 апреля 1943 года. Воскресенье.

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 18 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани наши части отбивали контратаки пехоты и танков противника. На одном участке бойцы Н-ского соединения

несколько дней назад заняли высоту, имеющую важное значение. Сегодня немцы семь раз переходили в атаки, пытаясь вновь овладеть этой высотой. Все атаки гитлеровцев отбиты. Только в течение дня противник потерял на этом участке убитыми до 1400 солдат и офицеров. Ожесточённые бои развернулись и на другом участке фронта, где немцы бросили в атаку более двух полков пехоты. Действия пехотных частей противник поддерживал крупными силами авиации. Наши части, обороняющие эти позиции, отбили атаки противника и нанесли ему тяжелые потери. По неполным данным, сбито 25 и подбито 8 немецких самолетов.

* * *

Три группы — три полных отделения плюс старший офицер разделились за километр до передовой. Никаких прощаний, перекинулись-перезыркнулись и тремя струйками втекли в молодую зелень сумаха, карагача, бузины и орешника. Каждую группу уводили местные батальонные разведчики.